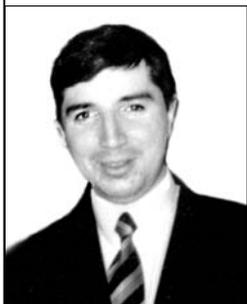

ДЕВЯНОСТЫЕ: контекст восприятия

Арсений Замостьянов

Бороться с мифологическим восприятием той или иной эпохи, противопоставляя ему некий вариант документальной правды — дело зряшнее. «Тьмы низких истин нам дороже нас возвышающий обман» — это правило действует и в восприятии государства. И напрасно мы воспринимаем понятие «миф» исключительно в негативном ключе. У Пушкина царедворец рассуждает: «Бессмысленная чернь мгновенному внушению послушна, для истины глуха и равнодушна, а баснями питается она». Здесь описано самое примитивное восприятие информации о государстве, о политической

жизни — на уровне сенсационных слухов. Таким инстинктом массового потребителя изодрённо пользуется жёлтая пресса. Чем невероятнее ложь, чем дальше она от логики здравого смысла, тем легче в неё верят — этот закон хорошо изучен пропагандистами, начиная с Геббельса. Но существуют и благородные государственные мифы, в подоплёке которых исторической правды всё-таки больше, чем романтических преувеличений. В них отражаются представления о народном характере, о национальной психологии, о смыслах и задачах истории страны.

Государству, как и Церкви, необходима мистерия — зрелищная и впечатляющая, необходимо острое гражданское переживание героики. Для идеологической повестки сегодняшнего дня всегда исключительно важен миф о великом прошлом — фундамент государства. И от нашего выбора — какие времена назвать великими — зависит многое. Потому-то и ломаются копья публицистов, историков, политиков в споре об оценке девяностых годов.

Как только десятилетие реформ закончилось, и новый президент России вместо бессловесной «Патриотической песни» М.И. Глинки утвердил гимн Александра Александрова на подновлённые стихи Сергея Михалкова — наши либералы-западники снова стали диссидентами, и это закономерно. «Не хотим вставать под гимн палачей», — говорят они, защищая свои идеалы. И эти идеалы действительно в опасности: достаточно обществу «снять проклятие» с эпохи Сталина и позиции русского либерализма заметно ослабятся.

А с гимном вышла показательная история: мелодия М.И. Глинки, известная в литературе как «Патриотическая песня» («Патриотическая песнь»), в 1947 году была утверждена в качестве гимна Москвы со стихами «Наша славная столица». С распадом СССР замечательная мелодия Глинки стала гимном России, слова к которому так и не были утверждены. Отныне мелодию ассоциировали с десятилетием распада и деградации, и ни в чём не повинный Михаил Иванович Глинка получил львиную долю народного скепсиса за компанию с незадачливым российским правительством тех лет. Воистину, всё, до чего они дотрагивались — приобретало оттенок чужеродности, хлипкости, вызывало раздражение. Даже славные слова «россияне», «российский», прославленные Петром Великим, Ломоносовым и Державиным, стали вызывать в народе ёрническую насмешку: слишком уж смачно их произносили тогдашние правители на фоне разлада и междоусобиц. Звучало лицемерно и несolidно. Путин сотоварищи просчитали реак-

цию социальной психологии: отказываясь от гимна Глинки, они показывали, что не собираются последовательно продолжать «бардачный» порядок вещей. История показала, что они не лукавили.

Да, на выборах 2007–2008 гг. правящая партия отказывалась от наследия девяностых, даже демонизировала это десятилетие, противопоставляя ему стабильность, практицизм и дисциплину нового времени. Выходит, критическая оценка девяностых становится государственным официозом. А развивать эту тему — значит ломиться в открытую дверь. «Нет ничего подлее разрешённой смелости», — говаривал Карл Маркс. И тут можно вспомнить, что среди нынешних красноречивых ниспровергателей «бандитских девяностых» немало тех, кто и тогда был у власти, входил в правящую элиту и должен разделить ответственность за ельцинский режим.

Действительно, популярность нынешней власти зиждится, главным образом, на сравнении со срамом девяностых. В такой ситуации критиковать поверженную эпоху — на первый взгляд, недостойное занятие, чуть ли не лезть, подлое «лощение вельможных полов», как говаривали наши деды. Сводить счёты с ушедшей эпохой, плевать вслед героям вчерашних дней — всё это постыдная суета. Но мы не занимаемся политической рекламой современной административной элиты.

Журнал «Народное образование» мало интересует однодневная конъюнктура. Старейший журнал России никогда не был рупором безоглядных реформ, трагических для отечественного Просвещения. Если мы кровно заинтересованы в сохранении и процветании государства Российского — нам важно определить, какую картину исторического развития страны показывать школьникам и чего ждать от них, каких воззрений. В чём-то наши рассуждения могут совпасть с шаблонами официальной пропаганды, по другим вопросам возможны возражения и сомнения, но мы готовы

заверить читателей, что, в отличие от органов правящей и оппозиционных партий, «Народное образование» ангажировано только здравым смыслом наших авторов. Спор о девяностых втянул в свою орбиту и эмоции самоутверждения элит, и проблему новых учебников истории, и все проклятые вопросы русской интеллигенции. И мы просто обязаны показать полюса столь «судьбоносного» (ах, это красноречие последнего вождя СССР!) спора.

В истории России было немного случаев, когда преемники не пересматривали, а уважительно продолжали политику предшественников. За тезисом почти всегда следовал антитезис, история развивалась в дискуссии, в споре «отцов и детей». Как это ни смешно, пожалуй, только сын князя Владимира Мономаха Мстислав остался в истории как убеждённый сторонник и продолжатель отцовской политики.

Когда за призраком свободы...

Призраки свободы... Сколько жертв было принесено на их иллюзорный алтарь! Грозно и массово звучала на взбаламученных улицах песня: «В царство свободы дорогу грудью проложим себе!..». Но практика реального социализма показала, что общество ещё не столь сознательно, и государство, власть, дисциплина — это ценности гораздо более человеческие и прогрессивные, чем дикая свобода.

И строили мы, к счастью, не «царство свободы», а просто царство. Именно потому в Советском Союзе не строились баррикады сексуальной революции: пуританское рабоче-крестьянское царство испытывало давление западной пропаганды и массовой культуры, но до поры до времени держалось крепко и продолжало традиции российской самобытности. Несмотря на государственный атеизм, в атмосфере складывался аналог страха Божьего.

В мемуарах Евгения Евтушенко есть любопытный эпизод: «Я вспомнил, как в брежневские времена С.Г. Лапин, председатель Гостелерадио, коллекционировавший дома именно ту литературу, которую беспощадно вытравлял, однажды почти завизжал после моей телевизионной лекции о поэзии декабристов: «Да что вы так упоённо повторяете слово «свобода»,

как глухарь на току, когда к нему подкрадывается охотник? Сами себе погибель кликаете? Да если дать черни свободу, она рано или поздно начнёт топтать тех, кто ей эту свободу дал! И вас в том числе, голубчик. Ненавижу само слово «свобода»... Ваше сладкое слово «свобода» пахнет кровью!». «Неглупый был человек, хотя и реакционер», — резюмирует Евтушенко уже в девяностые годы.

Не знаю, прозвучало ли действительно в том разговоре слово «чернь» и, если прозвучало, неясно, какой смысл придавал ему «неглупый реакционер». Но время показало (как показывало и сто, и четыреста лет назад), что свобода не идёт на пользу ни элитарным интеллектуалам, ни самым неквалифицированным работникам — и неизвестно, кто больше наломает дров на воздухе, переполненном политическими свободами. Оговоримся: критикуя свободолюбие, мы имеем в виду отсутствие государственного авторитаризма. Личная экзистенциальная свобода человека или, к примеру, свобода и независимость страны от иноземных завоевателей — это иные материи, и между ними нет прямой связи с демократическими свободами.

В России выборы главы государства — не новость. Выбирались на царствование новые династии — Годуновых, Шуйских, наконец Романовых. Кроме того, после 1905 года, в новые смутные годы, проходили выборы в Государственную Думу, но историю этого органа представительной власти не назовёшь славной. Большое значение придавали политические витии выборам в Учредительное собрание. Однако в истории наш предполагаемый парламент 1917 года не сыграл даже роль похоронной комиссии Российской империи. Новгородское вече пало под давлением набравшего силу Московского царства. И не случайно именно вокруг московского единовластия объединялась измождённая захватчиками и раздробленностью Русь.

Страна осознанно отказалась от парламентаризма, от суетливой политической борьбы, предпочитая свободную самореализацию в условиях сильной централизованной власти, без конкурентной борьбы популистов. Сlišком хорошо усвоили москвитяне уроки смутного времени, когда в опьянении свободой страна умылась кровью. Теперь они верили только в крепкое самодержавие.

Сплочение державы позволило нашей стране расширить границы, отвоевать у природы и у кочевых племён безбрежную Сибирь. Значит, мудр был выбор народа — государственный интерес вместо частных интересов, беспрекословное подчинение правящей династии вместо суматохи выборов. Знали, куда пустить народную энергию — не в суматоху бесплодной политической борьбы (как в поговорке, весь пар — в свисток!), а на освоение далёких земель, на усиление армии, на защиту Отчизны...

Россия отказывалась от демократии, которая уничтожила и древние Афины, и Речь Посполиту. Борьба с очагами смуты и безвластия с гостомысловых времён была смыслом нашей государственности. Даже в периоды ускоренной, революционной модернизации, когда Россия рывками приближалась к техническим достижениям Запада, политических послаблений не было, напротив, железная рука власти и при Петре Великом, и в 1930-е годы не ослабляла хватки.

Перестройка избавила наших педагогов от догматического монолита единственно верной идеологии. Ведь ещё 20—30 лет назад мы и в школьных, и в вузовских программах уделяли огромное внимание истории партии, всяческим марксистским штудиям — нередко в ущерб другим наукам. Стали доступными книги, которые в прежние времена было трудно добыть даже самым влиятельным людям. Появились школы с «лицом необщим выраженьем», где было интересно и работать, и учиться. Система заметно ослабила тиски, учителей меньше сковывали

программами и идейными установками. Как весенние запахи цветения, витало предчувствие добрых перемен.

Но очередной оттепельный период «диктатуры сердца» быстро обернулся конфузом. И с первых месяцев девяностых годов в наших учебных заведениях заиграла музыка нищеты, а школьники окунулись в мир жёстких стандартов массовой культуры. О воспитательной доктрине и смысле Просвещения теперь не думали: шумный карнавал шоу-бизнеса и криминальные «подвиги» авантюрьеров определяли стиль нового времени. Сообщения об убийствах, взрывах, покушениях стали ежедневным блюдом телевизионной кухни. В новостных выпусках всё чаще показывали трупы и залитые кровью мостовые обеих столиц. Общество воспринимало эту череду новостей как непрекращающийся стресс.

Свободная пресса не могла отказаться от демонстрации «чернухи» и «расчлённки» (эти слова была тогда в ходу): дурные новости лучше продаются, а государство как будто разучилось дирижировать четвёртой властью. Вместо монолитной пропаганды советского образа жизни и правительственной политики началась война компроматов, междоусобица, которую зачастую и обслуживала «свободная пресса» — главная гордость эпохи демократических реформ.

Прежнее единомыслие прессы могло раздражать, но всё-таки большинство граждан до поры до времени готово было идентифицировать себя с той системой, а мир новой феодальной раздробленности, в которой конкуренты не только стреляют друг в друга посредством наёмных убийц (самое модное новое слово середины 90-х — киллер), мало у кого вызывал уважение.

Если о мифах мы часто говорим свысока и стесняемся показаться мифологизаторами, то свободу принято романтизировать, не считаясь с жертвами этой

неумолимой дамы. Свобода — это «осознанная необходимость» — гласит классическая формула. Бывает, что и так. А бывает свобода — искушение и гибель. Дикая свобода ведёт к уничтожению условностей, традиций, как говорит архитектор Владимир Жуков, от градаций — к деградации.

Вышли на сцену, под свет софитов, прежде ютившиеся на кухнях ниспровергатели устоев, защитники экзотических меньшинств, своего рода эстеты, которым вольнее дышится в условиях весёлого хаоса — того самого бардака, от которого опускаются руки благонамеренных граждан «из большинства». Но не они, не глашатаи и правофланговые дикого капитализма, стали хозяевами жизни. Хозяином стал очень примечательный тип предприимчивого, креативного, расторопного, но не основательного деятеля. Слишком эгоистичного, чересчур сосредоточенного на личных проблемах, чтобы открывать новые земли, как самые одарённые авантюристы прежних веков. Ерофеев Хабаровых и Ермаков Тимофеевичей среди них не было. Скорее, как и положено в смутное время, явились лихие самозванцы.

Быстрые доходы, космополитизм, отсутствие профессионального призвания — вот чем были славны тогдашние авантюрьеры, заказывавшие музыку девяностых. Более разухабистой, безвкусной, нахально усиленной мощными колонками музыки наши края не слыхали. Особенный шик — устроить вечер блатной песни аж в самом Кремле. Увы, эта постыдная традиция оказалась живучей, такое не в диковинку и в наши дни. Но тогда, после чинного советского пуриганства, громкое торжество блатной синтезаторной эстетики просто било в глаза. Под такой аккомпанемент разговоры о демократическом выборе, вхождении в открытый мир цивилизованных народов и правах человека быстро набивали оскомину. Пожалуй, лучше всех об этом сказал поэт Владимир Соколов:

Я устал от Двадцатого века,
От его окровавленных рек.
И не надо мне прав человека,
Я давно уже не человек!

В демократических «благих пожеланиях» были разочарованы многие.

Умные машины «сокращают нам опыты быстротекущей жизни». Но с развитием технических чудес возрастает и опасность глобальной катастрофы — как в антиутопиях Герберта Уэллса. Неужели в такой ситуации единственным востребованным политическим режимом будет демократический, с присущим ему культом индивидуализма, всяческих свобод и космополитического смешения культур? Не думаю, что триумфальное шествие демократии продолжится вопреки инстинкту самосохранения народов...

Да, сегодня на телевидении, на «кремлёвских» интернет-ресурсах, в программах и акциях молодёжных организаций вроде «наших» процветает культ личности «национального лидера» — В.В. Путина. Иной раз получается карикатурно, почти всегда — безвкусно. Но в сравнении с потугами девяностых и такой глянцевого кич воспринимается с воодушевлением. Пьяное дирижирование оркестром в Берлине, нелепые предвыборные танцы на эстраде — эти и многие другие срамные картинки накрепко запомнились в народе, они травмировали, унижали национальное самосознание.

Официоз девяностых имеет бледный вид и перед советской традицией, и перед народившейся «путинской».

Власть, обитающая в древних кремлях, рядом с самыми заветными храмами, не может восприниматься в России наравне с героями шоу-бизнеса. И после реформ 1860-х, уничтоживших в России традиционное самодержавие, и после революций 1917-го наш народ остался «царистом» (такое определение дал Сталин). И относиться к главе государства как к временно нанятому обществу управленцу мы не умеем. У нас правителя либо коронуют, либо презирают. Стены древнего Кремля, как и площади державного Петербурга навевают трепетное отношение к государству и к персонам, его олицетворяющим.

В европейской либеральной системе ценностей такое отношение к власти считается унизительным. Но в мире найдётся немало актуальных авторитарных традиций, одной из которых остаётся и наша, российская. В девяностые годы мы попытались отойти от этой традиции; власть валялась в грязи, её трогали немытыми руками, ей ставили условия олигархи — новые хозяева жизни, оказавшиеся временщиками. В народе эту ситуацию окрестили очень точным и презрительным словом — *бардак*.

«Эпохой реформ и преобразований» те годы можно было назвать только при получении гранта от какого-нибудь Сороса. А начистоту то и дело произносилось: «Когда же этот бардак закончится?..». На рубеже веков эти восклицания звучали уже не столь злободневно, а к нынешнему времени и вовсе растаяли, оставшись в истории только как народный приговор «лихим девяностым». В истории России было немало трагических эпох. А вот десятилетие девяностых оставило столь жалкое наследие, что его нетрудно будет объехать на самой хромой козе.

Адвокаты хаоса

Как известно, в «великую» эпоху реформ Россия перестала нуждаться в технических научно-исследовательских институтах. Было принято высмеивать их неэффективность — дескать, мэнээсы день деньской курили, играли в настольный теннис и судачили о футболе, политике и публикациях журнала «Новый мир». Вот и не вписались в новое время, когда «хочешь жить — умей вертеться». Зато нашлись средства на содержание многочисленных институтов, обслуживающих политическую жизнь демократической России. По бессмысленности они не уступали пикейным жилетам Ильфа с Петровым, зато весьма уважительно выглядели в аналитических телепередачах. Оказалось, что имитация партийной борьбы и шоу-выборов куда важнее станкостроения или, скажем, сельскохозяйственного строительства.

В атмосфере хаоса и безвластия понадобилась каста авгуров, которые по полёту птиц судили о политическом будущем и готовы были часами респектабельно толковать о предвыборной борьбе. Один горделивый телеведущий, культивировавший всю эту суету политической жизни, как-то сказал надменно: «Мы не какой-нибудь качканарский горно-обогатительный комбинат!». О, да, свободная пресса считала себя четвёртой властью, оракулом, эдаким святилищем в бардаке и свысока (они даже не скрывали вальжяжного апломба) смотрела на представителей «устаревших» трудовых профессий.

Самым плодовитым и сноровистым адвокатом девяностых годов стал Александр Храмчихин — аналитик, участвовавший в предвыборных кампаниях Ельцина (1996) и Кириенко (1999). В лукавых традициях адвокатского творчества, Храмчихин приписывает своему подзащитному фантастические заслуги. Даже операции российской армии в «горячих точках» на территории бывшего СССР преподносятся как достижения военной и политической мысли! А ведь здесь можно говорить скорее о преступлениях, чем об ошибках. Вспомним: эпоха реформ в армии началась с уничтожения военного бюджета. Воинство обнищало. Отказ от коммунистической идеологии, а также от патриотизма, в известном смысле обезглавил армию. В НАТО Россию никто не ждал, да и не привыкли русские офицеры подчиняться иностранным полководцам... Офицерство никогда не было в авангарде перестройки: для армии во все времена потребен консерватизм, авантюры «человека с ружьём» обходятся дорого, нужно уметь от них воздерживаться. И офицеры сдержали негодование, подчинились нелюбимой власти, не впали во вторую Корниловщину. Думаю, это было благородное отступление, и мы вправе благодарить армию за стойческую выдержку, как за боевые победы.

Всё тот же легендарный реакционер и охранитель, шеф Гостелерадио СССР С.Г. Лапин говорил, что рядовой телезритель

должен быть и главным героем, и участником телепрограмм. Многим памятно и неизменное присутствие рабочих, колхозников, учёных на «голубых огоньках» (при Ельцине там развязно шалили «отцы Отечества» — политики).

Сбивчивая речь простых трудящихся звучала постоянно, были выработаны железобетонные штампы, жонглируя которыми, журналисты рассказывали о трудовых подвигах. Штампы, конечно, омертвляли тему, но всё-таки зрители видели на экране себе подобных, это внушало уважение к труду, самоуважение трудящегося человека.

В годы реформ главными героями телепередач стали шоумены, менеджеры, а также криминальная публика — воры, сутенёры, проститутки. И для многих людей, чей образ жизни и уровень достатка отличались от обихода «светских львов», телевидение стало чужим, неродным, враждебным. Желая исправить ситуацию, нынешние пропагандисты провели съезд партии «Единая Россия» на старый манер — с выступлениями представителей большинства, социально близких каждому телезрителю. Ткачиха, учёный, спортсмен-инвалид — выразительный ряд, прямо из «Марша энтузиастов»:

Здравствуй, страна героев,
страна мечтателей,
страна учёных!

Многие из нас с недоброй иронией встретили съездовское выступление ткачихи Лапшиной, которая призывала президента Путина «остаться на третий срок». Слишком уж долго профессиональные сатирики и кухонные остроусловы высмеивали традицию, о которой мы сразу же вспомнили, услышав выступление Лапшиной.

Ткачихи, крестьяне, забойщики давненько не участвовали в публичной политике, зато самую высокую трибуну получил потребительский снобизм. Героизация труда казалась уделом отсталых стран. «Вот у них, в цивилизованном мире, никто не делает из хлеба святыню, никто не прославляет труд хлебопашца, не кричит о борьбе за урожай — а прилавки ломятся от продовольствия. К чему нам героизация труда? Я не хочу знать, кто такой этот колхозник,

чем он живёт. Я плачу чистоганом и желаю, чтобы на мою копейку можно было всегда купить хлеба. А как там его сеяли, выращивали и собирали, мне глубоко безразлично» — примерно такой монолог проговаривали тогда многие.

Вроде бы это правильно — формальный ритуал прославления труда был навязчив, пришло время снижать патетику. Но упразднить красочную идеологию труда не следовало: мы только оплевали интеллигентским ёрничаньем достоинство трудового человека. «Раньше у нас всякий труд был в почёте, а теперь жена говорит, ей стыдно работать воспитательницей в детском саду», — говорил автору этих строк московский таксист в 1993 году.

И вот, наконец, ткачихи из Иванова, Глухова, Шуи увидели, что их представительница выступает с высокой трибуны, оглашает лояльность к главе государства. Лощёные политики и бизнесмены, много лет мелькавшие на телеэкранах, казались этим женщинам пришельцами с далёких планет, а теперь они видят себе подобного человека. Я верю, что этот политкорректный шаг нынешней администрации вернул многим простым людям и самоуважение, и оптимизм. И нет лучшей рекламы рабочих профессий для наших школьников, чем такие вот выступления наших очаровательных Золушек.

Сказка о Золушке — это сценарий простой человеческой мечты, актуальный для любого народа. Американский народ сплачивает Голливуд, поставляющий к столу сказки об американской мечте. Не отставали и российские сказочники. Именно Золушкой называли когда-то героиню Любви Орловой из фильма «Светлый путь». У неё было много прототипов, а самые известные из них — сёстры Виноградовы, Дуся и Маруся, знаменитые вичугские ткачихи-рекордистки эпохи первых пятилеток. Вообще-то Виноградовы были однофамильцами, но труд и всенародная слава породнили их, сделали сёстрами.

Критики системы упрекали пропагандистов в показухе, а колхозники, ткачихи, шахтёры становились депутатами Верховного Совета, газеты публиковали их выступления с главных трибун страны. Изголялись по поводу популярных передовиков и злые языки, но это неизбежные и малоприметные издержки. Главное, что общество, в котором большинство составляют не «маленькие лорды Фаунтлерои», а рабочие и крестьяне, благодарно воспринимало эти выступления. Общество видело во власти себе подобных — и становилось лояльнее, с готовностью поступаясь гражданскими свободами.

Теперь ситуация повторилась — разумеется, по-новому, в новом контексте. Кому-то страстные речи Лапшиной во славу главы государства показались чересчур сервильными, по-женски переслащёнными. На мой взгляд, ткачиха Лапшина куда более многих заслужила право представлять избирателей в парламенте народное большинство. Другое дело — всё те же политические авгурьы, у которых много масок, хваток и интересов. Так и хочется спросить у них, как в старой кинокомедии: «И какая от тебя польза, кроме вреда?». Нет, в ближайшее время в нашей стране бесполезные и неуправляемые рыцари демократии не будут снимать пенки на политической кухне.

Девяностые годы показали, как мы можем собственными неосмотрительными усилиями оказаться на грани катастрофы. Ведь речь и вправду шла о том, быть или не быть России независимой, самобытной. Всё шло к тому, что однажды мы бы услышали от главы государства: «Дорогие россияне, дамы и господа! С завтрашнего дня мы отказываемся от кириллицы — и переходим на латинский алфавит...». Нашлись бы авгурьы, которые готовы авторитетно объяснить, насколько это важно и правильно — писать латинскими буквами. Дескать, а как иначе приобщиться к общечеловеческим ценностям? Разрушительная инерция слома девяностых была столь сильной, что лет через двадцать после перехода на латиницу обще-

ство было бы подготовлено и к отказу от русского языка, который к тому времени стал бы средством коммуникации низов общества (верхи по мере сил осваивали бы оксфордское произношение). Но обществу удалось отторгнуть этот сценарий развития, удалось перезагрузить программу — и это именно общество своей волей поворачивает власть к авторитаризму, чтобы только прекратить тот самый бардак.

Демократическая система, при которой каждые выборы становятся мучительным национальным стрессом, оказалась обременительной для России, несовместимой с рывком к скромному, умеренному, но надёжному благополучию. Общество восприняло эту весьма прогрессивную систему как прихоть узкого круга записных западников. Легендарной стала коробка из-под ксерокса, наполненная долларами — символ выборов как чёрного бизнеса. Фигура политтехнолога как организатора бесполезной политической жизни оказалась саморазоблачительной.

Незадолго до смерти Леонид Филатов написал пьесу «Ещё раз о голом короле», в которой высек политтехнологов, как Фонвизин — неучей и невеж. Думаю, актёр-писатель зафиксировал точку зрения большинства. У нас и так слишком много «хитрого рынка», слишком много продавцов воздуха, чтобы мириться с существованием ещё и политического базара. Не утратился ещё крестьянский практицизм в нашем народе: он не будет оплачивать архитектурные излишества, чьи-то бурные прихоти. Если подавляющее большинство не желает решать судьбу страны на суетливых выборах меньшинство, которому такие выборы нужны, будет подавлено. А диссиденты, которых не устраивает упразднение гражданских свобод, вряд ли будут услышаны. Их уже можно снисходительно назвать шалунами — как окрестил когда-то декабристов (своих будущих убийц!) генерал Милорадович.

Реформаторы то напрямую, то на прихотливой азбуке Морзе внушали нам презрение к истории собственного народа, смердяковское презрение к России. «Заграница нам поможет» — только на это и рассчитывали. Главным событием экономической жизни страны пропаганда объявляла получение иностранных кредитов. Телеведущие со вкусом рассказывали о новых и новых «траншах», обсуждали мудрые советы господина Мишеля Комдессю и других чиновников Международного валютного фонда, даже не чувствуя, насколько эта ситуация постыдна и оскорбительна для России. Многие тогда не верили в будущность России, а некоторые открыто желали уничтожения отсталой отечественной цивилизации. И это не наши домыслы. Настроения тех лет остались и в архивах печатной прессы, и в кинодокументалистике первых постперестроечных лет, сквозили они и в стандартизированных официальных выступлениях главы государства, руководителей правительства...

Дух эпохи фигой не прикроешь, не замаскируешь. Во многих головах тогда бродила идея начала новой России, с чистого листа... Именно эти люди и определяли тогда мейнстрим, генеральную линию. Недолгий праздник непослушания был для них временем расцвета, и казалось, что именно в паруса ниспровергателей победительно дует ветер эпохи. Для начала следовало демонтировать, уничтожить Россию реальную, пережившую великие войны, революцию, пережившую советскую власть. К тому времени читатели уже были отравлены скепсисом и ехидными ухмылками постмодернистов, пытавшихся доказать, что конвейерный пластмассовый стаканчик (а особенно — с фирменной надписью *soca-cola!*) куда лучше серебряного кубка мастерской ручной работы.

Критики нынешней «управляемой демократии» любят повторять два взаимоисключающих вывода. Во-первых, они говорят о глобальной зависимости нынешнего благополучия от цен на наше стратегическое сырьё — нефть и газ. С другой стороны, утверждают, что успехами «нулевых годов» Россия обязана реформаторскому импульсу девяностых. Дескать, страна приняла горькое лекарство шоковой терапии, поморщилась, а теперь, когда эликсир Егора Гайдара начал действовать, пребывает в благо-

денствии. С трезвых глаз становится ясно, что если в первом постулате велика доля истины, то второй — бесприемная демагогия.

Мы действительно многим обязаны геологам, нефтяникам, газовикам и всему топливно-энергетическому комплексу, который, впрочем, в своё время получил поддержку всей страны. Только великой ресурсодобывающей державой наша страна стала в период работы правительства Косыгина; и именно «застойным» 60–70-м, а не реформаторским девяностым, мы во многом обязаны нынешними недурными бюджетными возможностями России. Пора бы признать, что до 1980-го застой охватил только политическую жизнь, это был исключительно «кадровый» застой, связанный с крепкой властной хваткой поколения фронтовиков. А для геологии, энергетики, нефтянки, для строительства и военной промышленности это были годы не застоя, а прорыва.

Пусть кровь...

Это именно в девяностые, сразу же после «победы демократических сил» в августе и декабре 1991-го, оглоушенные телезрители, кроме латиноамериканских «мыльных опер» и умножающегося водопада шоу-бизнеса получили «мир насилия» на экране. Советский мир был жесток — страна воевала с внешними и внутренними врагами, проводила жестокие репрессии, провозглашала грозную теорию классовый борьбы, но пропаганда не забывала ставить смягчающие фильтры, просвещать, проповедовать гуманизм. На вооружение брали и православную этику, и великое наследие классической русской литературы.

Отказавшись от воспитательной функции, государство оставило людей наедине с предприимчивыми гуру, которые учат получать наслаждение от чужой

боли. Певцы, актёры, лица масскультуры воспевают крайние состояния — экстаз, аффект, беспощадный наркотический раж. И вот результат: общество утратило моральные устои, утратило отвращение к насилию, к кровопролитию. Кровавые расправы стали просто ярким телевизионным зрелищем, а мстители, которые в одиночку борются за справедливость, превратились в героев дня. Один мститель аж до Швейцарии добрался, чтобы убить авиадиспетчера. Он мстил за свою семью — и общество, не ждущее правды от государства, одобрительно восприняло такое деяние разъярённого одиночки. И за последние годы пресса несколько раз поднимала на щит мстителей, приучив восприимчивую публику к премудростям самосуда, суда Линча.

И вот мы уже читаем про иркутского студента кулинарного техникума, который подстерёг свою бывшую учительницу физики и несколько раз ударил её ножом. Никого не приводит в ужас это деяние юноши, говорят, что учительница не всегда была справедлива, допускала бестактность, была излишне строгой. А что, если возмездие было *справедливым*? Пресса едва ли не канонизировала право на месть! Студент на четыре года отправился в колонию, и многим кажется, что это слишком строгое наказание. Невдомёк поклонникам суда Линча, что объектом мести может оказаться каждый из нас. Мститель — человек опасный для общества, он должен быть изолирован и обезврежен. Умысел «пустить кровь» недругу не должен оставаться безнаказанным.

В книге «Россия в обвале» А.И. Солженицын сформулировал своё отношение к лихому десятилетию реформ непосредственно

из деяностих. Картина получилась безрадостная, государственного патриотизма в сегодняшней России нет и в помине. Помимо усиленного поощрения патриотизмов отдельных автономий — здесь и общее влияние хаоса, и совершенно недостойное поведение государственных властей, которые морально низко уронили себя в глазах всего населения страны. Один офицер на встрече в Ярославле сказал: «Новая Россия не поставила себя как родину!».

Трудно спорить с солженицынским офицером, особенно, если мы — патриоты, если чувствуем себя лично оскорблёнными, когда унижено Отечество. Есть охотники отделить государственность от народа, они внушают нам, что патриотизм — это любовь к согражданам, к родной культуре, но никак не преданность государству. С этим нельзя согласиться: государственность — это высокая святыня, подлинный палладий нашего народа. Сильное государство не бывает враждебным по отношению к стратегическим интересам человека. Именно эта идея, выстраданная всей историей России, годится для разговора со старшеклассниками на остроактуальную тему — какое нам необходимо государство. Развитие страны за последние восемь лет внушает осторожный оптимизм, как внушает оно и ярость всем приверженцам анархии, и дикого, криминального рынка.

После унылых капитулянтских картин запустения остаётся лелеять в себе ростки оптимизма и лояльности, назло вечно модному и легкомысленному фрондёрству. И мы наконец-то можем повторять вслед за чеховским гимназическим учителем Кулыгиным из «Трёх сестёр»: «Я доволен... Я доволен...». **НО**